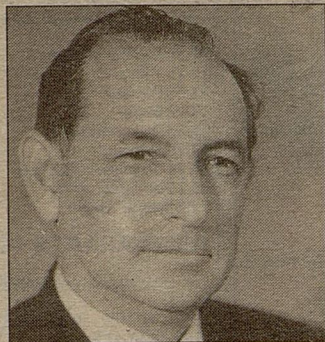


Судьбоносный роман

К 25-летию шедевра Всеволода Кочетова

«Чего же ты хочешь?»

Ровно указанное число лет тому назад в журнале «Октябрь» (№ 9 — 11) появился роман, ставший тогда знаменитым: читающей публике, главным образом интеллигенции, преподнесли разоблачение ее собственных антисоветских настроений, «преклонения перед Западом», не одобряемой властями любви к Цветаевой и Мандельштаму, жестоко преследуемого интереса к



эмигрантским изданиям. В литературном отношении это был образцовый примитив в стиле социалистического реализма, с образами из папье-маше и согласованными в КГБ диалогами на тему идеологической борьбы. Но впервые советский автор получил разрешение назвать в открытой печати «Новое русское слово», «Грани», «Посев», «Русскую мысль», фамилии редакторов и издателей. Более того, чуть ли не цитировать то, что там было опубликовано. Скажем, приводились фрагменты из листовки «К интеллигенции России» (1967): «Россия разорена, инакомыслие в ней подавляется, идеи не осуществились, коммунизм изжил себя». Читать такое даже в гэбэшных кавычках было небезынтересно.

Замысел писателя-коммуниста был прост: опровергнуть антикоммунизм, продемонстрировав кое-какие его образцы, которые советскому читателю наверняка покажутся лживыми; вступить с антикоммунизмом в рукопашную, продемонстрировав его методы, причем не какие-то неизвестные и сложные, а реальные, знакомые каждому слушателю «Голоса Америки».

«...Покончить с коммунизмом мы обя-

заны, — говорит некий американец в дымчатых очках, сразу выдающих шпионского начальника. — ... Они, коммунисты, были всегда необычайно сильны идеологически, брали над нами верх незыблемостью своих убеждений... Сейчас кое-что обнадеживает. Мы исключительно умело использовали развенчание Сталина... Но это потребовало, господа, работы сотен радиостанций, тысяч

печатных изданий, тысяч и тысяч пропагандистов, миллионов и миллионов, сотен миллионов долларов... Наше дело сегодня — усилить и усилить натиск...»

Тогда это однозначно было воспринято как донос (и доносом было), тем паче что Кочетов описал еще и важнейшее умонастроение интеллигенции, нелояльной к коммунизму: русофилию, почвенничество, сконструировав образ поэта Саввы Богородицкого, как бы списанного с Владимира Солоухина, который, как и Савва, мечтал ввести в обиход «сударя».

Кочетов не побрезговал обрушиться на Мандельштама, Цветаеву и Пастернака — другую отдушину либеральной интеллигенции. Со слов какой-то мерзкой Жанночки выходило, что надо «тащить в коммунизм» вышепоименованных («вот, мол, подлинная поэзия революции...») и тем разлагать монолит. Другой мерзавец заявлял еще более распространенную точку зрения: «Советская литература существовала как подлинная литература лишь до конца двадцатых годов...»

Но это тогда было доносом на интеллигенцию и аккуратные формы ее противос-

тавления режиму. Сейчас, после падения коммунизма как государственной идеологии, все звучит иначе, все, даже мысль старого нациста Клауберга, засланного в СССР для идеологических диверсий, о том, что подпиливают-то коммунизм американцы, а воспользоваться этим обязаны немцы. Объединение Германии — недурной плод с нивы всеобщих усилий? Стоит ли уж говорить о мечтаниях некоего Кондратьева, сотрудничавшего с нацистами во время войны, о ликвидации КГБ...

Итак, то, о чем Кочетов предупреждал, совершилось. И КГБ нет, и коммунизм накрылся, и соцреализм пал, и «Бесы» признаны как пророчество о русской революции, и Троцкий с Пастернаком напечатаны, и Ленин заклеен как «великий дровосек», и атмосфера «у русских» сексуализирована... Порция Браун, антикоммунистка, чья мерзость обозначена в финале романа стриптизом, который она устраивает, так объясняет проект: «...Ослабнет комсомол, в формальность превратятся их собрания, их политическая учеба. Все будет только для видимости, для декорума, за которым пойдет личная, сексуальная, освобожденная от обязательств жизнь. А тогда в среде равнодушных, безразличных к общественному, которые не будут ничему мешать, возможным станет постепенное продвижение к руководству в различных ведущих организациях (! — М.З.) таких людей, которым больше по душе строй западный, а не советский, не коммунистический. Это процесс неторопливый, кропотливый...»

Ясно, что такова была точка зрения КГБ, большим другом которого, глазом и ухом был писатель Кочетов. Ясно, что под «ведущей организацией» стриптизерка подразумевала КПСС (назвать которую Кочетов не посмел); ясно, что романист напропорочил появление Горбачева, выступив тогда с крамольной мыслью о том, что сознание определяет бытие. Кстати, через 20 лет после Кочетова об этом писал Фрэнсис Фукуяма в статье «Конец истории?» («Вопросы философии», 1990, № 3): причины перестройки, утверждал зам. заведомо политического планирования госдепартамента США — в «сознании элиты и ее лидеров... И это ни в коем случае не было неизбежным след-

ствием материальных условий... Изменение произошло в результате того, что одна идея победила другую».

Но в итоге получается, что Кочетов на 20 лет опередил Фукуяму и — с охранительных позиций — все опасности для режима предсказал верно. Вот она, пророческая сила социалистического реализма! Из чего следует особое место романа в истории советской литературы: тайный гегельянец, Кочетов отлично понимал, что утопию можно разрушить не бомбами, а словом, что изображенных им людей, которым ничто сверхчеловеческое (коммунистическая убежденность, советский патриотизм, ненависть к «вещизму», любовь к соцреализму и т.п.) не чуждо, в природе нет. Отсюда опасность десталинизации, «наведения мостов» и сексуализации, на которые Кочетов обрушился с энергией пророка Иезекииля: «И было ко мне слово Господне: сын человеческий! вы скажи Иерусалиму мерзости его... Вы ели тук и вольно одевались, откормленных овец заколали, а стада не спасли».

Плохо пашая свое стадо коммунистическая партия на Кочетова обиделась: за роман он получил «тройку», переиздание разрешили только одно — на периферии и униженным тиражом (65 тысяч), а «верное партийное перо» Юрий Андреев в «Литературной газете» (1970, 11 февр.) обвинил Кочетова в том, что он не дал «верной картины»: дескать, жизнь определяют «не мутные потоки», бегущие с того берега.. но укрепление морально-политической сплоченности, идейный рост и гражданская активность советских людей».

Что бы сказал Кочетов на эту галиматью сегодня, доживи он до наших дней? Что бы ответил на упреки в том, что не изобразил железной горгоры борцов с идеологическими диверсантами, а лишь одного в поле воина — писателя Булатова, под которым явно имел в виду себя? Эх...

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ